

Бытие справедливости как проблема

Чувство справедливости – одно из базовых человеческих чувств. Его нельзя уничтожить, искоренить никакими способами внешнего влияния. В нем есть что-то мистическое. Каждый здравомыслящий индивид жаждет быть услышанным другими, адекватно понятым и оцененным. В справедливости органически взаимосвязаны априорность и практический характер ее бытийности. Подлинная справедливость всегда бескорыстна. Этим она похожа на любовь. Отношение одного человека к другому в обоих случаях не сопряжено с поиском какой-либо выгоды для себя. Говорить об этой черте справедливости можно, пожалуй, лишь в контексте непосредственно нравственных отношений – когда их субъекты не обременены взаимными личностными, финансовыми, экономическими, политическими, правовыми и другими обязательствами. Круг, объем таких отношений довольно ограниченный – семья, друзья, коллеги, родственники, любовь, меценатство. Не случайно эти отношения так высоко ценятся в обществе, независимо от временных и пространственных координат. Во всех остальных случаях справедливость лишена такой нравственной чистоты ибо предполагает взаимную выгоду для субъектов. Наиболее рельефно это проявляется в условиях рынка. В рыночных отношениях справедливость обнаруживает себя максимально полно. Все должно быть оплачено – таково основное требование рынка. А все то, что оплачено, - справедливо. Поэтому неудивительно, что индивид, продавший по собственному желанию что-либо другому, а затем пожелавший эту сделку ликвидировать (возвратить ситуацию в исходное положение), имеет очень мало шансов на это, даже при условии, что попытается решить проблему через суд.

Самой главной функцией справедливости является обеспечение равновесия между ожиданиями людей и реакцией социальной среды на них. Принимая во внимание, что ожидания довольно часто бывают необоснованными, а реакция неадекватной и несвоевременной, крайне сложно постоянно поддерживать

приемлемую меру этого равновесия. Раньше или позже она нарушается. Формирование новой меры сопровождается социальным напряжением, конфликтами. Воплощение справедливости на практике нередко связано с использованием силы, принуждения. Здесь обнаруживается некое несоответствие между внешним предназначением данной ценности – давать человеку то, что он заслужил (оправдывать его ожидания) – и самим способом осуществления справедливости. В жизни люди не так уж редко прибегают к силе – физической, интеллектуальной, судебной и др. – чтобы отстоять справедливость. Когда суд выносит несправедливое решение в отношении обвиняемого, который непричастен к правонарушению, и его силовым образом лишают свободы на определенный период, то сила в этом контексте ассоциируется с агрессией. Если суд воздает по «заслугам» справедливо, то сила воспринимается как проявление блага. Очень часто справедливость демонстрирует свое бессилие – перед хамством, обманом, наветом, подлогом, циничностью и другими проявлениями худших человеческих качеств. Оно очень похоже на бессилие интеллигента, которого в темной подворотне поджидают грабители. Это бессилие нередко порождает отчаяние, которое приводит либо к скепсису и неверию в саму возможность торжества справедливости, либо порождает мощную агрессию. Последняя, как компенсация уязвленной справедливости, иногда обретает форму тирании. Тираны всегда обосновывают свое поведение тем, что стоят, якобы, на защите справедливости. Многочисленные репрессии и чистки – этнические, религиозные, классовые и др. – которыми изобилует история человеческого общества, всегда подавались их устроителями как борьба за справедливость.

Желая справедливости, человек, тем не менее, очень болезненно воспринимает насильственный способ ее утверждения. Никто не хочет насилия над собой, разве что мазохисты, да и то не постоянно, а лишь в конкретных ситуациях. Хотя без насилия в обществе не обойтись, оно противоречит человеческой природе и принципам гуманизма. Это одна из тех ситуаций, когда теория и практика больше противоречат друг другу, чем взаимодополняют.

Морально насилие можно оправдывать, но, во-первых, делать это нелегко, а, во-вторых, стоит ли? Моральное пространство бытия поступков, продуцирующих насилие, как бы искажается. В нем обличие моральности получает то, что в системе нормальных отношений между людьми довольно часто морально порицается. Существуют виды деятельности, которые по своему предназначению изначально пребывают в содержательном поле насилия. Палачи, охранники в тюрьмах, работники боен на мясокомбинатах, маньяки-убийцы, насильники и др. – этими людьми насилие воспринимается как вполне нормальный способ их отношения к окружающей среде. Вряд ли их терзает угрызение совести относительно своих действий. Но как только они в силу определенных жизненных обстоятельств сами становятся объектами насилия со стороны других, сразу во весь голос протестуют против нее и требуют справедливого отношения к себе. Палач, став жертвой, забывает о боли, причиненной другим, и пытается всячески избежать ее сам. Шкала ценностей и способ мировосприятия кардинально меняются. Сказанное – еще одно подтверждение относительности справедливости, ее зависимости от жизненных обстоятельств и субъективных приоритетов. В современном обществе средствами искусства, особенно кино и литературы, нередко осуществляется, с одной стороны, оправдание, а с другой – эстетизация насилия. Последствия такого подхода крайне губительны как для морали и нравственности в целом, так и для сферы воспитания. Описывая разные стороны жизни, как светлые, так и темные, искусство должно способствовать утверждению в человеке человеческого, а не его деградации. Способность человека оценивать поступки – свои и чужие – в координатах морали – важнейшее условие утверждения в общественных отношениях справедливости, формирования у людей потребности созидать добро. С позиций логики развития общества любое проявление справедливости – это утверждение добра. Даже в ситуациях, когда формой ее бытия выступает наказание за проступок и субъект, которому она адресуется, воспринимает данную реакцию среды как зло.

Практика человеческой истории свидетельствует, что сила и справедливость имеют статус абсолютных ценностей. Силе может противостоять лишь другая сила, желательнее более мощная. Но если сила не основывается на справедливости, она продуцирует зло. Чем больше в обществе зла, тем меньше в нем справедливости. Чтобы этого не было, право на легитимированное использование силы должна иметь лишь власть. Формой коммуникации справедливости и силы выступает дискурс. Публичное обсуждение возможных точек соприкосновения и пересечения этих двух образований идет на пользу как первому, так и второму. Чем больше тайн вокруг функционирования властных структур, тем больше оснований для подозрения в попирании ими справедливости. Поэтому власть должна быть открытой для народа, ее решения – объяснимы и «прозрачны». Очень велика здесь и роль общественного мнения. Поскольку в современном обществе огромное влияние на сознание людей имеют средства массовой информации, то свободный доступ к ним – важное условие цивилизованного функционирования как справедливости, так и силы. Последняя все чаще характеризуется возможностью открыто и легитимно влиять на сознание и поведение людей. Потому-то желание иметь собственную газету, радиостанцию, канал на телевидении – одно из составляющих «джентельменского набора» современных миллионеров, в который входят также «свои» депутаты в законодательных органах и сотрудники в правоохранительных структурах. Сила все активнее проявляет себя в праве говорить, общаться не только с ближайшим окружением, но и с максимально широким кругом людей – от небольшого населенного пункта до страны в целом. В такой способ сила становится субъектом дискурса и довольно часто подминает под себя справедливость, делая при этом вид, что ничего страшного не произошло и людям просто нужно привыкать жить по «новым» правилам (читай «понятиям»), отказаться от «устаревших», «не оправдавших» себя ценностей, к которым сила с легкостью относит и справедливость.

В контексте практической реализации справедливости важным является не только ее основание, но и то, от лица кого справедливость «говорит». Чем авторитетнее это «лицо», чем больше у него силы и средств для утверждения справедливости, тем больше вероятность торжества справедливости. Ее «кардиналы» могут быть как «светлыми», сознательно почитаемыми и уважаемыми – природа, знание, Бог, государство, царь, мораль, право, разум и др., так и «темными» - вор в законе, дьявол, страх, жажда обогащения, корыстолюбство. В первом случае справедливость морально чиста и светла. В последнем – далека от своего истинного призвания. Это псевдосправедливость, справедливость «по-понятиям». Страшно, больно и очень опасно, когда такой суррогат справедливости приподносится в обществе как образец торжества морали и права. А именно так поступает фашизм, так поступают карликовые диктаторы в отдельных странах и сегодня. Так ведут себя лицемеры от бизнеса и политики в вполне благополучных странах, Украине в том числе. В современных условиях все более могущественным авторитетом, от лица которого заявляет о себе справедливость, становится знание. «Лицо» это безличностно, анонимно, но при этом имеет большую силу и власть.

Взаимосвязь нравственного и правового в справедливости хорошо проявляется в самом механизме ее функционирования. Нравственный заряд этого образования срывает на полную силу в системе общественных отношений лишь при условии, когда нравственная культура социума органически дополняется соответствующим уровнем правовых рычагов влияния. И хотя воплощение справедливости на практике с помощью права, равно как и экономических, политических, религиозных и др. инструментов, - далеко не идеальный способ, только так можно обеспечить всеобщность бытия этого образования в обществе. Как только справедливость получает статус атрибута права, она одновременно получает и силу для своего воплощения. А сама эта сила обретает черты справедливости. Тем самым справедливость легитимирует право (в широком смысле силу), «очеловечивает» его, делает гуманным. Одно дело – подчиняться нормам права, которые не только

ограничивают свободу, но и попирают справедливость, совсем другое, когда эти нормы защищают справедливость, обеспечивают ее реальное, практическое бытие в системе общественных отношений. По причине своей специфики – хрупкость, незащищенность, бессилие – справедливость вынуждена искать институциональные средства для собственного воплощения в жизнь. Крайне важно, чтобы они не противоречили самому предназначению этого образования, его высшей цели. В противном случае место благих намерений занимает зло, справедливость превращается в свою противоположность. Справедливость имеет нравственную ценность сама по себе, чего нельзя сказать о силе. Чтобы не оставаться просто голой силой, а обрести в сознании людей статус нравственной ценности, она заинтересована в справедливости отнюдь не меньше, чем справедливость в ней. Этот интерес взаимный. Главное, чтобы во взаимосвязи этих двух образований не было нарушено хрупкое равновесие. Как только это происходит, сила теряет нравственное оправдание, а справедливость становится беззащитной и уязвимой. Сила вне справедливости, как правило, ассоциируется со злом.

Рассуждая о праве и морали как гарантиях справедливости, нельзя не видеть, что нормы права нередко входят в противоречие, а то и в конфликт с нормами морали. Это имеет место прежде всего тогда, когда право защищает человека от традиций и обычаев, не вписывающихся в логику изменившегося времени – кровная месть, принудительная женитьба, обязательное наследование профессии и др. В идеале право должно быть выстроено так, чтобы охранять индивида «...не только от прямого насилия, но также и от вмешательства государства, идеологии, религии, морали» [1, с. 374]. Достичь такого положения дел на практике в большинстве случаев невозможно. Нередко нормы права формулируются в угоду той или иной идеологии, либо их основы составляют религиозные постулаты. Но даже тогда, когда правовая система общества имеет серьезное научное обоснование, она не в состоянии учесть все возможные аспекты функционирования социума и бытия в нем индивидов. Поэтому в праве всегда есть «черные дыры», являющиеся своеобразными

лазейками для тех, кто не привык следовать закону и одновременно не хочет нести ответственность за его нарушение. Это означает, что осудить несправедливость на уровне морали зачастую бывает гораздо легче, чем на уровне права. Посредством права осуществляется некий компромисс справедливости и силы. Как следствие, сила позиционирует себя как проявление справедливости, образование, стоящее на защите последней. Тем самым справедливость легитимирует силу. Даже в тех ситуациях, когда сила грубо подавляет справедливость, издевается над ней, все равно пытается представить себя поборницей этого феномена. Свершая насилие, субъект старается на уровне внутреннего «Я» оправдать собственные действия тем, что своим поведением якобы восстанавливает попорченную иным субъектом или жизненными обстоятельствами справедливость. Для такого оправдания в глазах других довольно часто преднамеренно привлекаются нечистые на руку средства массовой информации. Но не только сила имеет выгоду от «сотрудничества» со справедливостью. В выигрыше и сама справедливость. Это слабое, хрупкое образование получает возможность быть сильным. Очень важно, чтобы мера взаимосвязи силы и справедливости пребывала в параметрах гуманизма, а не агрессии. Каков способ принятия коллективных решений по важным вопросам? – Голосование. Люди почти не задумываются над тем, что голосуя поднятыми руками, бюллетенями или иным способом, они демонстрируют свою силу, которая, воплощаясь в определенные решения – постановления собраний, законодательные акты, одобрение (или неодобрение) вопросов, вынесенных на референдум и др. – становится мощным инструментом утверждения на практике справедливости или ее противоположности. Силу нельзя сводить лишь к ее опредмеченным проявлениям. Она внутренне присутствует (или отсутствует) в субъекте. Если бы этого не было, индивид не давал бы клятв и обещаний, не объяснялся в любви и, как следствие, не рисковал бы жизнью, следуя клятве или просто защищая любимого человека. Честное слово порядочного человека нередко сильнее официального документа, на котором красуется подпись плута или

обманщика. Простые слова приказа командира в армии в состоянии привести в движение громадные массы людей. Язык – одна из форм конституирования силы, ее опредмечивания.

Очень важно не только то, чтобы поощрения и наказания обязательно имели место там, где их присутствие необходимо, но и чтобы эти формы реакции на социальные действия субъектов соответствовали канонам справедливости. Поэтому справедливость, с одной стороны, будто и содержится имманентно в морали и праве, а с другой – находится над ними, стоит выше их. Сказанное означает: для человека и общества значимы не только качество законодательной базы, эффективность функционирования правовых и моральных норм, порядок и механизм исполнения существующих законов, но и мера соответствия между свершенным и воздаянием за него. Справедливость – это предоставление субъектам того, что им причитается, что они заслужили. Необходимо, чтобы закон не только работал, но и обязательно итог, результат этой работы соответствовал канонам справедливости. Лишь при таких условиях можно говорить о нормальной удовлетворенности от свершившегося.

Одной из важных и одновременно крайне сложных проблем функционирования общества на протяжении всей его истории является мера соответствия наказания свершенному человеком правонарушению. Это особый срез бытия справедливости. Вполне очевидно, что любой проступок, выходящий за пределы принятых в обществе норм, повлекший нарушение порядка, обязательно должен вызывать со стороны общества и государства адекватную реакцию. Наказание и является такой реакцией. Однако, не все так просто. Возникают вопросы, требующие не просто ответа, а ответа обоснованного, аргументированного. Первый – чисто юридический – чем преступление отличается от проступка? И хотя право дает развернутую интерпретацию данных форм правонарушения, правовые системы разных государств в этом плане отличаются большой вариативностью. Не случайно за одинаковые правонарушения в одних странах можно угодить в тюрьму, а в

других обойтись небольшим штрафом. Вопрос второй: что может выступать в роли основания для определения меры наказания за нарушение? И теория, и практика свидетельствуют, что очень часто само это основание имеет весьма относительный характер. Неудивительно, что за одни и те же нарушения в одном и том же государстве в разные периоды его бытия определяются не просто разные по содержанию и силе формы наказания. Нередко действия, трактовавшиеся ранее как преступления, становятся нормой бытия общества. Частная собственность на средства производства, индивидуальное и групповое предпринимательство, обмен валют и многое другое долгое время в СССР было запрещено и преследовалось, а в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого столетия получило легальный статус, прочно вошло в жизнь общества и индивидов. Можно ли считать справедливым наказание многих людей, получивших тюремный срок за действия, которые сейчас всячески поддерживаются государством? Думаю, да. Ведь у закона обратной силы нет. Но справедливость в этом случае имеет горький вкус. В контексте морали она получает неоднозначную интерпретацию. Сожаление о случившемся не спасает ситуацию. Справедливость здесь как бы теряет свое высшее моральное предназначение. Она оказывается дискредитированной правом и политикой. Диалектика преступления и наказания довольно сложна. В философии это хорошо показал Г. Гегель, в литературе Ф.М. Достоевский, в политологии Н. Макиавелли. Общество и государство, наказывая преступника, с одной стороны, поступает справедливо, а с другой – совершенно не примиряет жертву и обидчика. Тем самым постоянно и неуклонно плодятся два непримиримых лагеря – тех, кто продуцирует зло, и тех, кто от него страдает. Идеальный способ снятия противоречия между ними – взаимное прощение. Именно его так настойчиво пропагандирует христианство. Но практика оказывается намного сложнее теории. Количество правонарушений не уменьшается, сколько ни объявляй амнистий. Добро и зло, вознаграждение и наказание, преступление и его осуждение – неотъемлемые составные бытия любого социума. Минимизировать присутствие в поведении людей негативных сторон можно

лишь на пути комплексного влияния на причины, их вызывающие. А они присутствуют практически во всех сферах общественной и личной жизни. Поэтому дело это очень непростое.

По своему характеру справедливость всеобъемна, всеохватывающая. Но реализуется, воплощается она всегда предельно конкретно. Являясь одним из оснований морали и права, она предполагает порядок и формализацию самого процесса своего осуществления. Поступить справедливо – значит действовать в соответствии с логикой бытия, соблюдая установленный порядок, следуя принятым в обществе нормам, поступая по совести и чести. Справедливости чужд хаос. Во-первых, потому, что в хаосе отсутствует последовательность, а во-вторых, невозможно определить, сколько чего кому причитается. Все крупные социальные потрясения – войны, революции, социальные восстания и др. – всегда сопровождаются разгулом несправедливости. И не потому, что справедливость на определенное время исчезает с арены истории. Просто изменившаяся социальная среда создает условия для «праздника» ее противоположности. Но как только воцаряется порядок, ситуация во многом меняется. Сказанное совсем не означает, что порядок – обязательное условие справедливости. Все тиранические режимы устанавливают более чем жесткий порядок в обществе, но справедливостью в них не пахнет. Когда я говорю о внутренней взаимосвязи порядка и справедливости, имеется в виду, что порядок – необходимое, но не достаточное условие бытия этого феномена. Момент достаточности находится в другой сфере – в мере моральности тех норм, которые его обеспечивают. Иными словами, сам порядок должен основываться на справедливости. Получается некий замкнутый круг, который разорвать логически невозможно. Онтологически в этом круге справедливость предшествует порядку. Именно она «запускает» последовательность взаимосвязи самой себя и порядка. Если логика бытия имеет такую последовательность, у справедливости весьма велики шансы на то, что она станет в обществе уважаемой и почитаемой. Если же порядок предшествует

справедливости, то случиться может всякое. Кто станет победителем – справедливость или ее противоположность – однозначно предвидеть нельзя.

Совесть, хотя и весьма зыбкое, неустойчивое образование, но, при всем этом, довольно серьезное основание чувств, мыслей и действий, направленных на защиту справедливости. Относительно закона, то крайне важно, чтобы его нормы сами пребывали в смысловом поле справедливости, а люди, обеспечивающие их воплощение в жизнь, были честными и порядочными, не вступали в конфликт ни с законом, ни с совестью. Если хотя бы одно из этих условий нарушается, закон начинает выполнять роль инструмента в борьбе одних субъектов против других и тогда ни о какой справедливости говорить не приходится. Термины «интересы народа» и «закон» лишаются своего подлинного смысла, становятся абстракциями, апеллируя к которым индивиды и их различные объединения корыстно, в ущерб другим, удовлетворяют собственные потребности и интересы. Особенно опасно, когда ущемляются права и свободы больших групп людей – классов, социальных слоев, этносов, конфессий. Это рождает мощный протест, проявляющийся не только в мирных, но и насильственных формах – неповиновении, грабежах, вооруженных восстаниях, терроре и др. Доведенные до отчаяния люди, поднимаясь на защиту справедливости, нередко сами творят произвол, вводят социальные организмы в состояние хаоса. Идея справедливости в таких ситуациях выполняет не только созидательную, но и разрушительную функцию.

Понимая роль справедливости в гармонизации отношений между людьми, общество, используя рычаги собственного влияния, а также возможности государства, пытается формализовать механизм функционирования данного образования. Эта формализация имеет две стороны. Первая – обеспечение присутствия справедливости в обществе и межличностных отношениях благодаря наличию определенной законодательной базы, норм морали, механизмов традиций и обычаев, деятельности институтов власти и гражданского общества (при условии сформированности такого общества). Вторая – ограничение права физических и юридических субъектов вершить

«правосудие», защищать справедливость путем мести, делать это «понятиям». Не случайно в течении истории человеческой цивилизации сформировались представления о тех силах, которые имеют право на конечный вердикт относительно бытия справедливости. Их число очень ограничено – Бог, народ, царь, закон, совесть. Если обратиться к истории возникновения христианства, то можно увидеть, что первые приверженцы этой веры, терпя преследования и всевозможные унижения, сохранили ей преданность во многом благодаря надежде на свершение справедливости, если не в земной, то уж точно в загробной жизни. Христианство, как и остальные религии, обещает торжество справедливости именно в «царстве Божьем». Даже в условиях самой жестокой эксплуатации простые люди считали, что их может защитить от управства местных угнетателей царь-батюшка. Главное – достучаться к нему, сообщить о своих бедах. Вера в мудрость народных масс, их способность создать справедливое общество и гуманное государство, которое может обеспечить тотальное торжество справедливости – ведущая установка всех утопистов. С особой силой она присутствует в марксизме.

Литература

1. Марков Б.В. Философская антропология: очерки истории и теории / Оформление обложки А. Олексенко, С. Шапиро. – СПб.: Издательство «Лань», 1997.